котектив

Роман Матроскин

БОЙ-КОТ

Дело доверчивого ветеринара

ДЕТЕКТИВ, где кошки умнее людей!

Остросюжетный КОТектив

Роман Матроскин

Бой-КОТ. Дело доверчивого ветеринара

«Эксмо»
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матроскин Р.

Бой-КОТ. Дело доверчивого ветеринара / Р. Матроскин — «Эксмо», 2016 — (Остросюжетный КОТектив)

Хвостатый котектив Ричард втянут в новую криминальную интригу: на главврача ветеринарной клиники Григория Вощинского совершено покушение — его пытались отравить, подкинув в чашку пакетик с ядом. Ветеринар чудом избежал смерти, но ведь преступник не найден, он по-прежнему на свободе! Сначала котектив заподозрил молодую жену Вощинского Лину, но у нее оказалось железное алиби. Ричард случайно обнаруживает на месте преступления клок ярко-рыжей кошачьей вибриссы и приходит к выводу, которого он боялся более всего. Неужели это бессердечное преступление — дело лап представителя кошачьих? С тяжелым сердцем Ричи очерчивает круг подозреваемых: кошка Франсуаза, помогавшая Вощинскому в клинике; преисполненный благородства кот Атос; пассия Атоса Жуля; кот-мистик Левиафан; перекормленный котяра Прапор… Но зачем благородным животным понадобилось покушаться на жизнь Вощинского? Где мог перейти несчастный ветеринар дорогу коту?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Матроскин Р., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие 6
Глава первая, 8
Глава вторая, 11
Глава третья, 15
Глава четвертая, 18
Глава пятая, 25
Глава шестая, 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Роман Матроскин
Бой-КОТ. Дело доверчивого ветеринара

© Волков Р., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моей маме
в день ее рождения от того,
кто не забыл ее уроки.
Поздравляю, мама!

Предисловие

Иногда кажется, что между взлетом и падением расстояние длиною в жизнь, тысячу морских миль или даже световых лет. Между любовью и ненавистью лежат тысячи дрянных поступков, пощечин, поцелуев, проведенных вместе ночей в дешевых отелях, на пляжах, на двуспальных кроватях с роскошными балдахинами. Между жизнью и смертью детство, отрочество, юность, пятерки, полученные в школе. Сданные или несданные экзамены в институт, провалы на работе, увольнения, повышения, переходы в другие отделы, пенсия, больница и самоличная покупка чистенького недорогого костюма. Между надеждой и отчаянием – тысячи рукописей и изданных книг, отвергнутых синопсисов и автограф-сессий в детских библиотеках.

Все это не так. Вспышка. Коротенькая вспышка длиною в удар сердца, дыхание или даже еще короче: ты просто моргнул – и все. Был счастливым – стал несчастным, был несчастным – стал счастливым, любил – теперь ненавидишь, ненавидел жизнь – теперь любишь, а потом наоборот. Когда я писал первую книгу про своего кота Ричи (замечу, сперва она планировалась как детектив, вроде Георгия Персикова, но там откуда-то появился кот, и книга почему-то стала популярной), я находился на самом дне отчаяния – изгнанный, отвергнутый, непонятый, преданный, забытый всеми, кроме моего кота. Вторая книга «Мисс Кисс» толкала меня в водоворот необъяснимых событий, приключений, терзаний, надежд, отчаяния и безумия: я встретил женщину, которая казалась мне то богиней, то развратницей, то верной, то изменницей, а мой кот нашел кошку – Масю. Про кота я к слову, суть-то не в нем. Мы с ним оказались на выставке кошек и прошли все семь кругов ада и семь кругов рая.

Я считал себя бездарностью, халтурщиком, рабочей лошадкой, литературным негром и, наконец, автором категории С. Не поверите, но я собираюсь жениться. Хозяйка Маси меня любит, и она сказала мне, что я достоин большего, я должен бросить все это кошачье дерьмо – ну, извините, именно так и сказала, она иногда бывает грубой – и написать ту самую «нетленку», ради которой создал меня господь бог. Ту самую, которая изменит весь мир: то есть ее не просто будут читать все, кто умеет читать, она создаст новую эпоху, изменит города и цивилизации, приведет к мировой войне или даже галактической, к революции классов, полов и рас, после которой вся Земля, вся Вселенная очистится и из нее уйдут ревность и предательство, измены и угнетения, страдания и зависть.

А для того чтобы я приступил к самой главной книге в своей жизни, она вытащит меня из подвала на задворках креативного завода, где мы жили с Ричи, в маленький уютный домик в таунхаусном поселке на севере Москвы, в экологически чистом районе недалеко от МКАДа. Там она будет меня кормить вкусной домашней едой, а не пельменями, и помогать вести здоровый образ жизни. Причем, замечу, она не сказала, что отведет меня на кодирование и даже не потребовала, чтобы я совсем бросил пить или хотя бы бросил пить пиво, потому что у меня от него за последнее время немного выросло пузко. Нет, она сказала, что будет помогать вести здоровый образ жизни, вот как. И правда помогала! Мы даже бегали с ней, катались на велосипеде и плавали в речке.

Вы, наверное, запутались или решили, что я совсем спятил, потому что начал с величия поэтической и философской мысли, перешел к миру котов, а закончил отвратительной бытовухой. Нет-нет, я выпил совсем немного, мне оставили бутылку какого-то испанского вина, и я честно больше не пил. Правда, чуть превысил свои возможности в алкоголе, когда моя любовь уехала закупать какие-то очередные корма для животных для ветеринарной клиники Вощинского, но совсем немного.

Как всегда бывает в такие моменты, меня посетила муза, священное безумие поэтов и софистов, а когда утром я проснулся на качелях возле беседки и открыл ноутбук, то снова

с удивлением прочитал строки о котах. Черт возьми, как прекрасно они были написаны! Я мастерски описал наших соседей: капитана полиции Лыжина и его кота Прапора, владельца ветеринарной клиники Вощинского, его жену Лину и кошку Франсуазу, хозяина собачьего питомника Карповича, и в этом описании были удивительная стройность, яркие образы, забавные гиперболы, даже стихи. Черт, я снова начал писать стихи!

Когда я был на Кипре в городе Лимассол (об этом я тоже как-нибудь напишу), в туалете одного из баров я прочитал выражение: «Не пытайся себя обмануть: ты всегда встретишь то, чего пытаешься избежать». Именно поэтому эта повесть снова про котов. И это не «нетленка». Простите.

Роман Матроскин.

Лето 2015 года, Подмосковье, коттеджный поселок «Фауна».

Глава первая, в которой новая большая семья оказывается на новом большом месте

Нельзя начинать «с уже пойманных мышей».

Неприлично как-то!

Может, Шерлок где-то даже и немного Холмс, но не по Мурке шлейка… Или все же?

Ричи скосил глазом – одним, второй был в прищуре от состояния души, полной довольства или даже неги, – в сторону старинного зеркала.

Оно было огромным по кошачьим меркам, но писатель частенько останавливался перед ним, поглаживал витиватую резьбу, по полчаса разглядывал себя, принимая помпезные позы: то Хемингуэй с трубкой, то взъерошенный Стивен Кинг, то Пушкин с длинными пальцами, то Сократ с придурковатой улыбкой, а то и вообще непонятно кто – видимо, в этот момент он изображал самого себя.

– Нет, ну надо же! – фыркал Ричи, которого уже начинали раздражать самодовольные ужимки «двуногого», теперь пытающегося разглядеть себя со спины. – Чего старается? Тонус поднимает?

Он вспомнил, как соседский кот Прапор рассказывал про поднятие тонуса. И не только тонуса, потому что фанатки из-за его огненно-рыжей лохматости ему проходу не давали. Особенно в марте.

– Ты думаешь, сосед, – говорил Прапор как-то, развалившись под забором, – они стаей за мной охотятся из-за богатого меха? Другое им надо. Любят меня, глаза друг дружке готовы выцарапать. Вот это «другое» от сырого мяса!

– Что, «двуногий» кормит?

– Ага, дождешься от него! Как жена ушла, все хозяйство пошатнулось. Мыши…

– Ф-фу, моветон, – поморщился Ричард. – Помоечная еда!

– Лучше помойка, чем больничная койка! Ха! – Прапор залихватски подмигнул, продолжая сыпать армейскими прибаутками. – Пусть помои, зато «другое» готово к бою! Шерсть с блеском – это так, побочный эффект.

Стейк с кровью в качестве еды Ричи еще мог себе представить, но вонючие мыши?! А эти намеки про боевую готовность хороши для казарменных охотников за мышами. Если прекрасная Мася всегда под боком, и с ней все так, что лучше не придумаешь, – то никакие средства для повышения котиной силы ни к чему. Силу и так девать некуда!

А вот «двуногого» он совсем запустил… Любовь ему не особо помогает в форму прийти. Как же его умяукать, чтоб мышей попробовал? Красота требует жертв. Или же стейк на углях в камине недожарить – чтоб с кровью…

Ричи с опаской глянул в сторону массивного камина из черного мрамора с малахитовой отделкой. Было дело!

К «двуногому» приехал как-то гость, у которого была в загородном имении перепелиная фермочка. Не бизнес, а так, для души и на стол. Опять же – не надо думать, что покупать, когда в гости идешь…

Ричи слышал, как он, хихикая, откровенничал:

– Понимаешь, зовут в гости часто уже из-за того, что знают: привезу яйца и перепелочков… Жирненьких, нежненьких…

И вот, «двуногим» пришло в голову этих птичек «счастья» нанизать на вертел – и в камин, за кованую решетку…

Запах, конечно, – дурман! Только увлекся «двуногий» разговором с гостем, стали гореть птицы. Синим пламенем. Ричи, разумеется, пришлось вмешаться в процесс – свалилось все в угли. Получились перепела не гриль, а «запеченные в углях». А у него самого хвост занялся, и шерсть обуглилась. Пришлось сунуть хвост в аквариум, за что ему попало, какой-то драной газетенкой из разряда «желтой прессы».

Униженный и оскорбленный, Ричи еще несколько месяцев гордо, не глядя на малахитово-мраморное сооружение, прошмыгивал мимо. А «желтую прессу» стал презирать особенно.

«А теперь, когда наш новый роман завершен, когда поставлена точка в расследовании, интересно, как я буду выглядеть рядом со своим «двуногим» на награждении элитной писательской премией?» – подумал Ричи, соскальзывая с мягкого дивана, на котором уютно устроился, упиваясь будущей славой и теплом нежного велюра болотистого оттенка. Роман, который он печатал лапами по клавиатуре «двуножьего» ноутбука, следовало бы, конечно, называть «моим», но природная скромность этого не позволяла. Хотя даже эта скромность иногда могла куда-то подеваться.

Он подошел к зеркалу и зашипел, разглядывая себя в зеркале со всех сторон.

– Н-да, мя-а-ау! Не собака, конечно, но орел! – На подоконнике сидела влетевшая невесть каким образом прямо в окно второго этажа его Муза – его Мася. От нее на расстоянии несло каким-то травянисто-цветочным запахом.

– Ты разлила духи «двуногой»? Вернется – фигурную стрижку усов тебе сделает, – улыбнулся Ричи.

– Не преувеличивай, дорогой! Всего лишь в траве повалялась. Рыбку хочешь?

– Из аквариума?

– Мяу! С ума сошел? Забыл, что ли, как плавал уже среди этих водорослей?

И парочка одновременно захихикала, вспомнив «заплыв» упавшего в аквариум Ричи.

Кот внимательно посмотрел на размякшую, нежно-счастливую Масю. За окном подозрительно жужжали пчелы, ветерок доносил пьянящие до одури запахи…

– Рыбку, говоришь? Это потом, а пока…

Ричи и Мася, не сговариваясь, понеслись в спальню писателя.

Вся обстановка кабинета была знакома до каждого сантиметра в любом углу, потому ее скучно было даже рассматривать: ну, стол, ну, ноутбук. Вот кресло… И книги, книги, книги…

А «двуногий» с утра как заведенный тарабанил по клавишам ноутбука, созидая «нетленку». За окном ему пытался вторить дятел, но не успевал. Где-то билась в стекло муха, но так хорошо было лежать вдвоем с Масей на мягком диванчике, подставив живот солнечным лучам, что у мухи появлялись хорошие шансы дожить до вечера. Как все-таки хорошо, когда на улице лето, в белой фарфоровой тарелочке ждет вкуснейший корм, который изготовили специально для тебя, а в густой траве в саду бегают шустрые злые и такие вкусные полевки. Как хорошо быть котом! А котом Ричардом быть просто замечательно!

А ведь совсем недавно жизнь была совсем не такая паштетная.

«Если бы не я… – лениво думал Ричи, – мы с «двуногим» до сих пор прозябали бы в фабричном полуподвале, ели дешевые консервы и мечтали о большой и чистой любви».

Но стоило коту взять свою судьбу в когти, так и на конкурс красоты съездили, и мир посмотрели, и любовь обрели. Да как удачно! Если бы не конкурс, Масина «двуногая», может, и не переехала бы из своего Новосибирска, не стала бы расширять свой бизнес – производство кормов для кошек. И не было бы этого блаженного полдня.

Совсем недавно «двуногий» чуть было все не испортил. Когда Мадама (так называла Мася свою «двуногую») сказала, что собирается снимать дом в парковой зоне нового района Москвы, «двуногий» Ричарда неожиданно вспомнил о мужской гордости и заявил, что он не нахлебник, мышь его загрызи, а добытчик, поэтому не собирается жить за счет слабой самки!

Счастье Ричарда и Маси было поставлено на кон, и Ричи снова пришлось прыгать выше своей головы и крутить хвост судьбе. Он как бы невзначай вытряхнул из тумбочки папку, которая именовалась «НЕТЛЕНКА». Слово это произносилось всегда после секундной паузы и с обязательным особым придыханием. И когда ворох макулатуры взлетел в воздух, Масина «двуногая» заявила, что Мастеру просто необходимы особые условия для создания «нетленки»!

– Это художник должен быть голодным, а писателю нужен мозг, не затуманенный поиском денег. Писать коммерческое кошачье г…но может любой дегенерат в любой помойке! А таланту нужно помогать, и я помогу, даже если кому-то что-то не нравится! А отработаешь ты… – Она грозно посмотрела в глаза «двуногому»: – Отработаешь своим величайшим романом, а также нежностью и любовью!

«Двуногий» Ричарда поворчал для вида, но согласился с вескими доводами. И вновь воцарился мир. Но уже в новом большом доме.

В этом мире все было прекрасно. Кроме одного. В бешеный перестук писателя и дятла вклинился другой звук – резкий, требовательный стук в дверь.

«Прапор…» – недовольно подумал Ричард, понимая, что не будет ему теперь ни сна, ни покоя.

– Лыжин! – с досадой воскликнул «двуногий», недовольно выбрался из-за стола и пошел открывать дверь соседу.

В дверном проеме показалась долговязая фигура Лыжина.

– Капитан Лыжин снова к вашим услугам! – заявил он с порога неожиданным басом. – Я как проснулся, слышу, ты все стучишь-стучишь-стучишь. И вчера вечером все стучал-стучал. Да чтоб я так рапорты строчил, как ты свои фигульки. Вот и подумал, что кто ж спасет человека, кроме доброго соседа!

«Двуногий» лишь моргал и пытался сообразить, что происходит, а «добрый сосед» уже протопал в гостиную, не прекращая болтать, сочувствуя, что не всем повезло с мозгами в жизни так, как ему, и что надо же кому-то и торгашеством, и писаниной заниматься.

Толстый лыжинский кот Прапор вздохнул и покачал головой:

– Приветствую, Ричард. Понимаю, мы опять не вовремя, но моего ж не остановишь. Он не со зла, а просто мозги его заняты настолько важными проблемами, что о правилах этикета думать некогда.

– Ну что ты, мой и правда заработался слишком, надо бы и встряхнуться. Кстати, Мася недавно обнаружила неплохую полянку со свежей травой. Прогуляемся?

– Почему бы и нет?

И коты, задрав хвосты, гордо покинули дом.

Глава вторая, в которой выясняется, откуда появились Лыжин и Прапор

Примерно за неделю до описываемых событий, в восемь часов утра с грохотом распахнулись окрашенные в стойкий синий цвет железные ворота, и на огороженную территорию приусадебного участка заехал грузовик. Ловко сманеврировав на узкой площадке перед домом, он остановился. Из кабины вылезли несколько грузчиков в синих комбинезонах с желтыми логотипами и ринулись открывать двери кузова, под завязку забитого коробками, пакетами и громоздкой мебелью.

Вслед за грузовиком показалась маленькая машина. Блондинка за рулем, перебирая изящными пальчиками, припарковала авто рядом. Из машины выскочил молодой мужчина и открыл красавице дверцу, нежно поцеловав ручку. Потом распахнул заднюю дверь, и оттуда, пошатываясь, выползли крупный кот и изящная белая кошечка. Эту ночь они должны были провести в новом доме в коттеджном поселке.

А Ричарда мутило. Он с самого детства ненавидел железные конструкции с колесами и жутким запахом. Заставить его проехать на автобусе, куда он тайком забирался, могли лишь особые обстоятельства, вроде похорон родной тети Клеопатры, свадьбы друга детства Боцмана или долгожданной смены жительства.

Как же здорово после утопающего в копоти и выхлопных газах промышленного района Москвы оказаться в этом раю среди раскидистых сосен, фигурных кустиков, подстриженных газонов и уютных домиков! Бесконечно слушать чириканье кузнечиков, гонять юрких полевок, кататься по траве, впитавшей в себя всю теплоту жаркого июля. Что уж говорить о Масе? Она… она больше, чем совершенство! Еще полгода назад он бы даже не решился коснуться хвостом такой красавицы, сказать даже два слова. А теперь делит с ней корзинку, шепчет нежные слова на ухо.

Послезавтра «двуногая» должна была уехать в командировку на закупку каких-то уникальных кормов, поэтому их с писателем вещи должны быть разгружены в ускоренном темпе.

– Поставьте диван в гостиную и черную тумбу рядом! Осторожно, там узкий проход, наверное, лучше немного развернуть, тогда пройдет, – руководила рабочими «двуногая».

– Куда коробки? Ух, тяжелая… звенит что-то, – хриплым басом спросил здоровенный человек, поднимая серую коробку над головой.

– Стойте! Аккуратнее, там вазы! Поставьте на столик в спальне. Умоляю, не трясите! – руководила хозяйка дома.

«Двуногий», восхищаясь деловитостью своей возлюбленной, подпрыгнул и чмокнул ее в щеку:

– Я счастлив, о боже мой! Как же я люблю тебя… Больше жизни, больше солнца, больше неба, больше всего!

– Я тоже, родной… – повторяла «двуногая», то и дело отлипаясь от его губ, чтобы дать очередные распоряжения.

– Давай я помогу! – с жаром бросил писатель. Он попытался поднять большой баул, но сбил им стопку постельного белья, которое уже достали из коробок, сконфузился: – Ой… Чистые же… были… – и тут же уронил сумку на коробку, издавшую тоскливый хруст.

– Милый, не надо, они справятся, им заплатили… – мягко одернула «двуногая», поднимая пачку накрахмаленных простынок из грязной лужи, которую успели намесить своими сапожищами грузчики.

– Ты – мое совершенство! – воскликнул писатель, крепко и страстно сжимая свою пассию в объятиях. Она и не думала вырываться.

Ричи и Мася, потираясь друг о друга шерсткой, улыбались и подмуркивали, глядя на счастливую «двуножью» пару. Ну, кто бы теперь мог поспорить, утверждая, что люди настолько примитивны, что не могут любить? Красивая самка, отложив белье, занялась кошачьими вещами. На нижней полке красивой деревянной тумбочки она расставила шампуни, разложила набор расчесок. В углу очутились миски для корма и воды, в уютном закутке одной из комнат – их корзинки с бархатной отделкой.

– О боже! Только не это! – вдруг закричал «двуногий». Пронзительный вопль, казалось был слышен на другом конце улицы.

– Что случилось, милый? – прибежала «двуногая» и в ужасе замерла.

– Труд всей жизни! – голосил писатель. – Вся жизнь, все надежды! Все пропало!

Одна из коробок, которая стояла у лестницы, была не просто открыта, неведомый злоумышленник проделал в ней внушительных размеров дыру каким-то острым инструментом. Повсюду валялись ошметки фольги, которой писатель заботливо обернул коробку, чтобы она не потерялась среди тысячи других. Ведь в ней, заботливо обернутая в тряпки, лежала папка с кучей записок, заметок, рисунков и фотографий, из которых должен был родиться тот самый роман – «нетленка»!

– О боже! Украли! Похитили! Но кто?! Зачем?! О, это конкуренты! Хотя какие конкуренты… или просто силы зла! – Писатель сидел на земле, схватившись за голову. Казалось, еще немного, и он начнет рвать на себе волосы. – Где деревянный ящик? Вина мне, скорей мне вина! – тихо скулил он. – Моя папка…

– Ты точно ее туда положил? Милый, этого не может быть! – пыталась приободрить писателя «двуногая».

Наблюдавший все эту странную картину Ричард по выработанной годами привычке котектива начал анализировать ситуацию. С момента их появления во дворе нового дома до пропажи столь важной папки прошло не больше часа. Все это время калитка была запрета на замок, а значит, войти без звонка ни один «двуногий» не смог бы. А вот кот… – Ричи собрался осмотреть пространство вокруг дома и поискать дырки в заборе, но ничего сделать не успел, на сцене трагедии появились неожиданные гости.

В калитку настойчиво постучали, но так как никто не слышал стука из-за стонов писателя, то, не дожидаясь разрешения, гости сами распахнули дверь.

– Я думаю, что за шум, а драки нету, – хохотнул рослый и тощий, как жердь, «двуногий». Он был одет в синюю полицейскую форму, на плечах красовались погоны с четырьмя звездочками.

– Привет, – обратился к Ричи толстый рыжий, в крупную полоску, кот и подмигнул зеленым глазом.

Хозяева растерянно заулыбались.

– Я – ваш сосед капитан Дмитрий Лыжин, в милиции служу… или в полиции, как понынешнему. – Гость пожал руку писателю и неловко чмокнул ладошку «двуногой».

Ричи отметил, что незваный гость хоть и бесцеремонный, но весьма симпатичный тип: седеющий брюнет, черты лица правильные и приятные, правда, нос слегка курносый.

– О, котики, это хорошо! – вальяжно протянул гость, посмотрев на Ричи и Масю. – У меня у самого кот. Вот, я его сюда даже привел – Прапор! Ха-ха-ха, у капитана личный прапор!

– Думаю, в представлении я уже не нуждаюсь, – не менее развязно произнес толстяк странной расцветки. – Привет еще раз, будем знакомы! – и потерся мордочкой сначала об Масю, потом об Ричи.

Половина его туловища была отчетливо красноватой, в мелкую полоску, а половина – темно-рыжей, почти багровой. На морде же проходила вертикальная граница цветов – поло-

вина была шоколадной, половина – цвета красной охры. Если бы не габариты, Прапора можно было бы принять за трехцветную кошечку. Но цветов было только два, а объемы недвусмысленно намекали на мужскую природу.

Позже Ричи узнал, что этот толстяк не так нелеп, как кажется на первый взгляд, и обладает острым умом, а когда надо – и железной хваткой. Лыжин занимается расследованием преступлений и очень гордится родом своей деятельности и званием. Делает он это, как и положено «двуногому», неуклюже, неумело, с постоянными промахами, но при этом пользуется уважением коллег и уважением начальства. Все почему? Потому что его КПД значительно увеличивает Прапор, которого он почти всегда берет с собой на происшествия. В отличие от хозяина, кот всегда обращает внимание на нужные детали, грамотно собирает улики, но, самое главное, опрашивает котов. «Двуногие», в силу своей недальновидности, не понимают, что коты умеют видеть и наблюдать в несколько раз лучше их самих, поэтому и совершают при них разные преступления без всякого зазрения совести. А коты потом охотно рассказывают все Прапору, а он, как может, делает намеки Лыжину.

Но пока рыжий толстяк казался Ричи развязным тупицей, под стать своему хозяину.

– Скандальчик, вижу, назревает? Это бросьте! Браниться-то нехорошо, делу не поможет, – произнес Лыжин почти нараспев.

– Нет, что вы, у нас тут пропажа. У нас… исчезла рукопись, это ужасно… – ответила «двуногая». Писатель же потерял дар речи и только качал головой, как игрушечная кошка.

– Ну, как говорится, бог создал сон и тишину, а черт – подъем и старшину. Недолго мы тут без дела тухли! Сейчас найдем быстренько этих… как их… злумышленников… – отрапортовал Прапор.

– Спасибо за помощь, но найти воров будет совсем непросто. Сюда никто не входил, калитка была закрыта. Папку украли тихо и незаметно, – мягко осадил Прапора Ричи. На первый взгляд тот показался ему безмозглым типом с сумасшедшим самомнением.

– А если трудно, то нужно стиснуть зубы в кулак и подумать головой. В дом можно попасть и не через калитку… через забор, например, – начал рассуждать вдруг кот.

В этот момент Лыжин ринулся с дивана к коробкам.

– Да найдем, что уж там… – уверенным голосом протянул он и подошел к нераспакованным вещам. – Ответ-то часто под ногами лежит, это уж я знаю! Да еще как знаю!

Капитан начал суетливо искать папку. Его высокая тщедушная фигура бросилась к куче тюков в углу комнаты. Увидев перевязанную наволочку, где лежали книги и журналы, он с ходу спросил: не она? – и, не дожидаясь ответа, ринулся к высоченной башне из вещей, которую рабочие уже разгрузили, но пока не успели занести в дом. С силой потянул на себя лежащий внизу старый чемодан, обтянутый дерматином, и вся эта хрупкая конструкция, не выдержав, рухнула. Коробки, свертки, чемоданы разлетелись по полянке, и тут же послышался сдавленный кошачий писк – груда коробок погребла под собой Прапора.

– Эй, дружище, ты жив? Сердечно прошу прощения! – Лыжин спешно отряхивался, параллельно пытаясь вынуть кота из обломков коробочной башни.

– Мяяааа… – прокряхтел толстяк, пытаясь выбраться на волю. – Котическая мышь…

– Да ты мой… Да щас я тебя… – поднял злополучную коробку капитан.

Под ней лежала шляпа, которая вдруг зашевелилась и суетливо устремилась в сторону крыльца.

– Скипидар мне под хвост! Ни мыша не вижу! – кричала шляпа голосом Прапора. Через несколько секунд она со всего маху врезалась в стену и завыла от боли.

Когда Лыжин наконец освободил кота, то наступил ногой в небольшое красное ведро, коварной ловушкой притаившееся среди груды коробок. Капитан выругался под нос, освобождаясь от ведра, и вдруг, поскользнувшись на игрушечной резиновой курице, с мерзким писком полетел на землю.

Не в силах более наблюдать за так называемым расследованием, Ричи тихоньку отошел к развесистому тополю. Конечно, он за долгие годы привык к глупости и нелепости «двуногих», но увиденное было уже чересчур даже для него. Нечего думать, нужно брать дело в свои лапы.

Кто-то ведь разодрал блестящую фольгу. Бессмысленное действие, зачем мусорить, если можно просто открыть коробку и взять нужную вещь? Стоп! Папочка тоже была блестящая, «двуногий» ее обмотал в подарочную фольгу! А кто любит блестящее? Может, надо посмотреть не под ноги, а на небо! Ричи запрокинул голову вверх и увидел сидевших на дереве сорок.

Черно-белые птицы уселись в ряд на массивном суку, хлопали крыльями и переминались с ноги на ногу. Периодически они издавали звуки, похожие на возглас кота, которого душит соперник, только в несколько раз громче и омерзительнее. «Двуногие» называют это «карканьем» – смешное слово, которое больше похоже на человеческие разговоры. Присмотревшись, Ричи заметил, что группа птиц, сидящая ближе к стволу дерева, клюет странный предмет. Что-то блестящее застряло в ветвях и привлекло всеобщее внимание.

– Это же та самая папка, пес возьми! Потерянная «нетленка»!

Вспомнив недавние схватки и погони в Праге, он сгруппировался и, ловко выпустив когти, пополз по стволу. Добравшись до развилки, в три прыжка оказался на ветке массового пиршества. Пернатые создания, увидев усатого гостя, переполошились, закричали и с двойным усердием пошли в атаку. Одна из птиц намеревалась клюнуть кота в ухо, но получила удар лапой с выпущенными когтями. Другая зашла сзади и нацелилась клювом на кошачью спину. Ричи ощетинился, выгнул спину и зашипел – пернатая отступила. Кот ловко подцепил папку и сбросил ее вниз, под ноги Лыжину. Тот сразу ее поднял и протянул ошалевшему от восторга писателю:

– Вот она, родимая! Не благодарите, это всего лишь наша служба… Бывает опасна и трудна, бывает – очень опасна и очень трудна.

– Пойдемте чай пить, – радушно предложила хозяйка.

– А может, чего и покрепче! – добавил писатель, гладя папку, как крохотного котенка.

С тех пор капитан Лыжин стал наведываться в гости пару раз в неделю. К слову сказать, Прапор оказался гораздо приятнее своего «двуногого» и нередко извинялся за огрехи подопечного. Хотя умом тоже не блистал, зато общаться с ним было просто, и даже Мася прониклась к дородному добродушному коту материнской заботой. Прапор был действительно огромным и не очень ловким. Он ухитрялся ронять все, мимо чего проходил, но делал это с таким трагическим и обескураженным видом, что оставалось только понять и простить его. В первое свое посещение он преподнес Масе «живого» мышонка. Правда, пока преподносил, слегка перестарался и раздавил его. Но при этом так комично страдал, что был моментально прощен.

Глава третья, в которой Ричи и Мася исцеляют страждущих

Жара – это, конечно, хорошо, но когда она держится слишком долго, это утомляет даже котов.

– Я и не знала, что когда-нибудь устану лежать на солнце! По-моему, мои мозги скоро спекутся и превратятся в мышиную попку, – помахивая шикарным хвостом, хныкала Мася. – Ричи, меня нужно срочно спасать! Ты же котектив, придумай что-нибудь! Мне срочно нужна зарядка для ума, иначе я поглупею, растолстею, у меня испортится характер, и ты меня разлюбишь!

– М-да, это серьезно, – фыркая и смеясь, ответил Ричи. – Я знаю, где тебя ждет спасение! Идем в клинику!

Он подобрался и спрыгнул с подоконника. Мася еще несколько секунд недовольно смотрела на него, пытаясь сообразить, при чем тут клиника и не хочет ли ее возлюбленный ее обидеть.

– Давай сходим в клинику Вощинского! – пояснил Ричи. – Тем более Франсуаза говорила, что у них есть несколько интересных случаев. Будет тебе зарядка для мозгов. Надеюсь, мы успеем, и они не спекутся до состояния… как ты там сказала? – поддел он подругу.

– Успеем! – засмеялась Мася и игриво куснула его за ухо.

Они нырнули в тень кустарника, проскользнули между деревьями и не спеша двинулись в сторону клиники Григория Вощинского – делового партнера Масиной «двуногой».

Ветеринарная лечебница Вощинского находилась далековато, и обычно коты добирались туда с «двуногими» на машине. Но сейчас погода была такая славная, что легкая пробежка под нежным ветерком доставляла одно удовольствие.

Уже через двадцать минут котектив со своей подругой стояли перед дверью клиники «23 хвоста». Кодовое мяуканье, и дверь плавно открылась, впуская парочку в кондиционированную прохладу больничного коридора.

– Ну наконец-то вы снова здесь! – раздался радостный возглас из-за открытой двери в конце коридора. – Проходите, я как раз собиралась перекусить и готовиться к осмотру! У меня для вас припасена пара интересных случаев! Но сначала – завтрак!

Даже «двуногие», несмотря на их эгоцентричность и невнимательность, называли Франсуазу «кошачьим доктором». Им казалось, что это неплохая шутка, и считалось хорошим знаком, если беспородная рыжая кошка подходила обнюхать пациента. Но Франсуаза действительно неплохо ставила диагнозы, помогая своему «двуногому». А с недавних пор ей частенько помогали Мася и Ричи.

Совместный перекус превратился в приятный ритуал перед работой. А любимая тема для разговора – их удивительная встреча.

Григорий Вощинский оказался поклонником кошачьего творчества «двуногого» Ричи, о чем и написал в издательство. Редакторы передали восторженный отзыв автору. Завязалась переписка, в ходе которой выяснилось, что у ветеринара (какое же противное все-таки слово! Как будто коктями по стеклу!) много общих интересов с Масиной «двуногой», в том числе в сфере кошачьего бизнеса. Так много, что вскоре возникло сразу несколько совместных проектов. Писатель был счастлив. Ровно до тех пор, пока не увидел фотографию своего поклонника. Он сразу помрачнел и предложил своей подруге поискать другого партнера.

– Даже я не сразу понял, в чем дело! – делился воспоминаниями Ричи. – Ему как будто хвост прищемили. Бегает, пыхтит, а почему – не ясно. Я прочитал всю переписку, собрал досье на Вощинского, но так и не нашел ничего, что могло бы так расстроить и разозлить моего

«двуногого». Я смотрел на фото и так, и этак… Ничего особенного – невысокий, темноволосый. Похож на мальчишку. Ну разве что улыбка…

– Ох, уж эти коты! – закатила глазки Мася. Это была ее любимая часть рассказа. – Я-то сразу поняла, в чем дело! Франсуаза, твой хозяин очень обаятельный и привлекательный по меркам «двуногих». Ревность! Вот что это было! Хорошо, что моя «двуногая» тоже это поняла и смогла убедить своего Отелло в том, что ему нечего беспокоиться.

– И как хорошо, что ваши «двуногие» прислушались к совету моего и сняли домик именно в этом районе, почти рядом с нами, – закончила Франсуаза. – Теперь мы можем ходить друг к другу в гости! А помните нашего первого совместного пациента, шарпея? Как там его звали? Бакс, кажется? Он лежал без сознания и распухал на глазах. Ни я, ни «двуногие» не понимали, что с ним происходит. Но ты, Ричи, сразу сказал, что очень похоже на аллергию, что аллерген все еще находится внутри и продолжает действие.

– Да, самое трудное было – выпроводить «двуногих», чтобы спокойно осмотреть его. Никогда бы не подумал, что буду спасать пса. – Ричи даже передернуло. – Но, Мася, ты так хорошо мяукала! Помнишь, как они все вместе побежали за тобой, потому что решили, что ты умираешь!

– А Франсуаза сообразила заблокировать дверь и выиграла время! Мы неплохая команда! – мурлыкнула Мася.

– Вот он – клещ, которого ты, Ричи, достал тогда из складок в шкурке собаки! «Двуногие» ни за что бы его там не нашли! – Франсуаза выкатила из-под шкафа маленькую склянку с крохотным клещом, который чуть не убил складчатого шарпея.

Ричи немного сконфузился. Конечно, хорошо, когда твой незаурядный ум спасает чью-то жизнь, пусть даже и собачью… Но вспоминать о том, где именно пришлось ковыряться, было неприятно.

– Мне больше понравился тот случай с пигментацией, – перевел он разговор на другую тему.

– «Мой котик почему-то седеет! – Мася очень похоже изобразила «двуногую», принесшую недавно черного кота с непроизносимой породой. – Ах, я его купила за огромные деньги! Ах, таких котиков осталось всего несколько штук! Ах, я потомственная колдунья, и мне нужен только черный кот, но я же люблю своего Василиска!» Ах, ах! Кудах-тах-тах! Курица, а не человек!

– А кот тоже был сначала важный и напыщенный! Помните, все про духов болтал? Мол, призраки рядом, и только он сможет их прогнать! – вздохнула Франсуаза. – А на деле оказался крашеный беспородный аферист, который был готов на все ради регулярной порции сливок и колбасы. Это всего лишь предрассудки – порода, чистокровность. Главное в котах – это…

– Мурчалка! – раздался вдруг страшный рев из коридора. – А у тебя есть мурррчалка? Вот оно! Вот что главное!

– Ой, это Левиафан, – подхватилась Франсуаза и, понизив голос, доверительно сообщила: – Полный псих. Ищет какую-то мурчалку. Замучил уже всех. Быстро-быстро, надо его угомонить!

По коридору за крохотной кошечкой, медленно переваливаясь с боку на бок, следовал толстенный кот и орал, что было сил:

– Я излечу мурчалку! Я тебя спасу!

Кошечка юркнула в какую-то коробку, а Левиафан, не вписавшись в поворот, проскользил по ламинату и, сбив небольшую табуретку, врезался в Ричи.

– Держи его! – крикнула Франсуаза.

Но все оказалось не так просто, пришлось звать подмогу. Ричи с Масей держали Леви за жирную холку, Франсуаза ловко пережала ему шею, толстяк сразу обмяк и, пошатываясь, ушел в свою переноску.

– Вот такие типчики у нас бывают! – отдышавшись, похвасталась Франсуаза. – Григорий не знает, что с ним делать, считает, что это «посттравматический синдром». Но что за травма у него случилась – пока непонятно. Хотя последнее время Левиафан стал спокойнее, думаю, идет на поправку. Все-таки мой «двуногий» – просто гениальный доктор. Может быть, он даже в прошлой жизни был котом. Идемте сюда, здесь случай поинтереснее!

В просторном боксе лежала на боку худющая молодая кошка. Шерсть ее была коротко пострижена, но все равно выглядела тусклой и свалявшейся. Было видно, что кошке действительно плохо.

– Здравствуйте, Марта, – негромко окликнула пациентку Франсуаза. – Как вы сегодня себя чувствуете?

– Оставьте меня в покое! Дайте мне умереть, – едва слышно прошептала кошка, даже не открыв глаза.

– Она поступила вчера утром. Ее постригли, потому что подозревали клещевой энцефалит. Но кожные покровы чистые. Внутренние органы в норме, анализы свидетельствуют об истощении, но в целом нормальные. К сожалению, ей становится все хуже, – со вздохом сообщила Франсуаза.

– Вы сказали, что хотите умереть, – мягко произнесла Мася. Ричи просто залюбовался своей подругой – сострадание делало ее невыразимо прекрасной, голос звучал особенно нежно и проникновенно, а вся она будто светилась изнутри. – У вас что-то болит? Мы очень хотим вам помочь.

– У меня ничего не болит. И никогда не будет болеть. Я никому не буду мешать, а просто тихо уйду из этого мира. От всего этого. Мое место уже занято, дайте мне уйти.

Кошки переглянулись в полном недоумении, но у Ричи вдруг загорелись глаза, и он воскликнул:

– Ох, уж эти «двуногие»! Они такие непостоянные! Клянутся, что будут любить тебя, а потом «заводят», словно игрушечную курицу, птичку… или кролика… Ваши завели собаку?

– Хуже… – слабо встрепенулась Марта. – Они завели ребенка. Они не пускают в его кровать, не пускают к себе в комнату. Я их по-своему люблю. – Она тяжело сглотнула. – Мне нравилось, когда мои «двуногие» играли со мной, я даже была не против того, чтобы называть их хозяевами. Да, моя любовь была такой всепоглощающей. А потом появился этот детеныш…

– И ты решила уйти вот таким образом?

– Да. Я просто перестала есть. А они даже не сразу это заметили. Сначала я хотела их просто напугать… а потом… потом стало все равно.

– Но я видела вчера твою «двуногую», – громко мяукнула Франсуаза. – Она была убита горем. И она была без ребенка. А уж поверь мне, чтобы такая, как она, оставила своего детеныша даже ненадолго, должна быть очень серьезная причина.

– Правда? – Марта впервые проявила интерес к разговору, даже приподняла голову.

– Да. Если бы ей было все равно, она бы не повезла тебя в лучшую клинику, не заплатила бы кучу бумажек. Да что говорить, твой «двуногий» плакал в коридоре.

– Он… плакал… – мурлыкнула Марта. – Вы думаете, они все еще любят меня?

– Конечно! – в унисон ответили Ричи и кошки.

– А можно мне тогда чего-нибудь поесть? А то аж живот от голода сводит.

– Конечно-конечно! Бульон в четвертую! – крикнула Франсуаза в коридор.

На прощание она долго благодарила котектива за помощь.

– Мы бы так и искали физическое заболевание, а все оказалось в ее голове!

– Ну что ты, Франсуаза! Хорошо, что в этой клинике все – от котов до «двуногих» – действительно преданы своему делу, – ответил Ричи, довольно улыбаясь.

Домой влюбленные возвращались уже по вечерней прохладе. Еще один день был прожит не зря.

Глава четвертая, в которой был похищен Минкульт

Ричи расхаживал по своему любимому карнизу. Была теплая августовская ночь, где-то внизу в траве скрипели сверчки, луна вылезала из-за крыши соседнего дома. Кот почему-то никак не мог успокоиться.

Весь вечер он прогуливался по огромному дому, пытаясь понять, что же не так. Вроде бы последнее дело было с блеском раскрыто, обошлось без неприятностей и нехороших последствий. Все были довольны. И все же котектива что-то беспокоило. Какая-то мелочь, которую он очень хотел запомнить, но упустил в суете…

«Нехорошо, – с досадой думал Ричи. – Непрофессионально выходит. Мне вообще нельзя забывать детали, а такие важные – тем более. Знать бы еще какие…» Значит, придется вспоминать до самых мелких подробностей последнее дело.

А последнее дело было простым и даже, как решил бы теперь любой мало-мальски знакомый с сыскным делом, банальным.

В очередной раз в гости к влюбленной парочке пришли Лыжин и Прапор. Нельзя не отметить, что капитан любил своего рыжего напарника, особенно любил расхваливать его уникальную расцветку, но не всегда осознавал, насколько тот ему помогает. Капитан частенько захаживал к соседям, чтобы пересказать историю дела, которое он только что триумфально раскрыл, получив горы благодарности и признания от начальства и пострадавших. Самые известные передачи приглашали его на интервью, но он, как человек скромный, всегда отказывался.

Лыжин даже изредка упоминал Прапора (Ричи из этих рассказов мог легко сделать выводы о реальном участии в делах толстяка) и клубками по ковру рассыпался в мелких подробностях своих расследований. При этом умудрялся не замечать важных мест даже в своих рассказах. Люди, что с них возьмешь.

Тем не менее иногда он выдавал полезную информацию, особенно касавшуюся работы полиции и прочих людских служб. Поскольку Ричи старался избегать контактов с ними, послушать об их методах работы было небесполезно. С Прапором котектив заприятельствовал, хотя и считал того немного странным. Полосатый увалень перенял от своего хозяина не самые хорошие черты – лень и любовь приукрашивать свои деяния. При этом Прапор неплохо соображал и был значительно внимательнее своего «двуногого». К Ричи он относился немного настороженно, а иногда и с обидой, когда тот раскрывал дела, над которыми капитан бился долго и безуспешно.

Лыжин тоже заметил котектива, особенно когда тот чуть ли не носом тыкал капитана в несостыковки в его рассказах. После насмешливого шипения он спохватывался, восклицал: «Да, и кстати, точно же, забыл!» – и пытался потрепать Ричи по загривку. Котектив увиливал и с тайным самодовольством наблюдал, как человек наконец начинал понимать, что он упустил.

Дело дошло до того, что Лыжин, церемонно оправдываясь перед хозяевами Ричи, пару раз просил взять того с собой, мол, чтобы Прапору не было скучно одному. На самом же деле котектив неоднократно указывал на улики, которые прозевал полицейский. А когда капитан раскрывал дело, то называл котектива «своим талисманом».

Ричи такая типично людская бесцеремонность не задевала. Ему нравились дела, за которые брался Лыжин, и раскрывать их было довольно занятно.

Впрочем, капитан, надо отдать ему должное, был вполне неплохим, хотя и очень примитивным. Чувство такта у него отсутствовало напрочь, зато он к котам относился как к себе подобным. Даже приподнимал фуражку, здороваясь с Ричи и Масей.

В тот день с утра пораньше он заглянул в гости. Вид у него был расстроенный, а под мышкой он держал своего кота.

Прапор грузно спрыгнул и поплелся прямо на кухню, где улегся на коврик неподалеку от Маси. Но Ричи не возражал – его хозяева пригласили Лыжина пить чай на той самой кухне, значит, предстоял интересный рассказ.

– Прапору плохо! – развел руками Лыжин. – Не ест ничего и мяучит. Не понимаю, я его вроде неплохими кормами кормлю, а вот, видать, живот скрутило.

– А надо нашими кормами кормить. – Тут же вставила слово Масина «двуногая».

– Так я и зашел к вам по пути, чтобы взять корм, так сказать, из первых рук. А дальше – к Вощинскому пойду, пусть пилюли, что ли, пропишет какие-нибудь.

Прапор фыркнул.

– Не хочу я к Вощинскому, опять клизму ставить будет. Я вчера мышь какую-то ущербную поймал. Еще ж думал, что не стоит есть, пес ее задери! Но ведь не удержался!

– С тобой вечно так, – улыбнулась Мася, – не хочешь, но через силу пропихнешь. Как мячик.

Прапор вздохнул и закатил глаза.

– Да прошло у меня все давно. Подобное лечится подобным, а мыши – мышами. Это мой «двуногий» такую мурляндию завел, чтобы тебя выпросить на новое дело. Особой важности!

В одном из соседних домов чуть дальше по улице жил некий «двуногий» Даниил Азаров, один из из самых богатых бизнесменов Подмосковья. Об этом, впрочем, любому коту говорил четырехметровый забор усадьбы, за который попасть даже такому умельцу, как Ричи, было непросто.

Лыжин потирал курносый нос и потрясал кулаками:

– И представляешь, орет на меня: «Где мой павлин?! Развели воровство и криминал! Да я знаком с самим премьер-министром, да мою продукцию весь аппарат закупает!» И прочее, и прочее… Я, конечно, тоже не лыком шит и тоже с премьер-министром знаком, только не бравирую этим, как некоторые… Какие такие павлиновые воры? Послушай, я знаю всех в этом городе, все «смотрящие» ко мне с отчетом ходят, но кому толкают павлинов? Кому вообще нужны павлины? Тебе нужны павлины?

– А вы продаете? – переспросил писатель.

– Не смешно, – обиженно буркнул Лыжин и продолжил: – В общем павлина он назвал Минкульт, и вот этот Минкульт и пропал. Культуры не стало, ишь. И все ему виноваты, я вот тоже, – жаловался Лыжин. – Обещал даже в Управление писать. Возит всяких зверей и всякую редкую ерунду, хранит непонятно как, а я виноват – не уследил. И езжай, говорит, ищи Минкульта. А как его искать? Он, может, на юг улетел, или куда еще они улетают. Или его же зверинец павлина сожрал. У него чего только не водилось. Вот поеду осматривать место преступления, которого, может, и не было вовсе. Еще Прапора захватил, у него что-то живот разболелся, не могу я его в таком состоянии оставлять. Кстати, хотел спросить – вашему не надо погулять? Я его тоже с собой возьму, а то чего он взаперти сидит. Развеется. Заодно и моему веселее будет. Вон они как сдружились, – показал он на приятелей.

– А представляешь, какая у них там кухня? – мечтательно облизнулся Прапор. – Мясное все. Сладкое. Острое…

– У тебя ж с животом проблемы, – вставил Ричи, дослушивая Лыжина.

– Ну, я вроде на поправку пошел, – обиженно покачал лобастой головой толстяк.

– Похоже, меня с тобой зовут посмотреть, что произошло у этого Азарова. Павлина у него украли? – спросил Ричи.

– Угу, – подтвердил Прапор. – И кому нужны павлины вообще?..

Получив согласие взять в компанию Ричи, Лыжин радостно допил чай, схрумкал последнее печенье из вазочки и засобирался наконец осматривать объект, то есть дом Азарова.

– Осмотр должен быть детальным и тщательным, но пока что смотреть – непонятно. На то, что павлина нет? Это и так понятно, что нет его. Понавезет дорогой ерунды откуда-то, сложит в подвал – и рад. А зачем оно ему надо? В самом деле, музей бы открыл, пусть люди смотрят… Ну, ничего, я скоро буду иметь рандеву с министром сельского хозяйства и все расскажу, все!

Лыжин удалился в коридор. Прапор грузно поднялся с коврика, и Ричи последовал за ним.

– Вот умницы, все ж понимают, – умилился полицейский. – Ну что, котики, поехали со мной.

– Большой тебе котиной удачи, милый, – шепнула Мася, лизнув котектива в нос.

Лыжин открыл заднюю дверь своей машины, древней, но еще бодрой грязно-зеленой «Ауди», и картинно изогнулся в полупоклоне:

– Прошу!

Прапор, как будто это было само собой разумеющимся, запрыгнул на заднее сиденье. Ричи фыркнул и тоже полез в эту чересчур пахучую большую консервную банку.

– Кажется, я понимаю, почему у тебя живот болит, – покосился он на Прапора, громко чихая. – У меня от такой вонищи тоже бы разболелся.

«Ауди» с грохотом завелась и неспешно выкатилась на узкую асфальтовую дорожку.

Ричи с интересом поглядывал за окно, Прапор же явно был не в состоянии следить за чем-либо.

– Что, бедненький, плохо тебе? Сейчас приедем, – обернулся к нему Лыжин.

– Ненавижу тачки, – пробормотал кот, уткнувшись носом в угол.

А котектив тем временем начал перебирать в памяти все, что знал об Азарове, благо о нем и его состоянии в их подмосковном городке ходило неисчислимое количество слухов и историй.

После учебы в институте на филологическом факультете восточного направления со специализацией по фарси и службы в армии в нескольких «горячих точках», он вернулся в Россию девяностых. С головой ушел в бизнес и после нескольких лет неблагодарной розничной торговли купил у товарища практически за бесценок разоренную птицефабрику, что и принесло неожиданный успех.

Практически мгновенно от кустарного хозяйства на 100 голов птицы и трех лотков на московских базарах он вырос до состояния всероссийского магната: птицефабрики по всей стране, дилерская сеть, фирменные магазины в крупных городах, своя кормовая база…

Но после того как годовая прибыль достигла восьмизначных чисел, г-н Азаров резко потерял интерес к бизнесу и отдал его под контроль управляющей компании. После короткого периода филантропии, когда за его счет были восстановлены два детских садика и музыкальная школа, он вспомнил свои подростковые увлечения и с головой нырнул в путешествия по странам Азии и Ближнего Востока и коллекционирование разнообразных антикварных безделушек. Очевидно, г-н Азаров был чрезвычайно суеверен, поскольку в объектах коллекционирования он отдавал предпочтение тем, что имели явно орнитологические мотивы.

Поместье Азарова до сих пор оставалось для многих обитателей поселка терра инкогнита. Огромная территория охранялась так, будто там жили сразу все президенты всех возможных стран. Там, где заканчивался глухой высокий забор, обнаруживалась колючая проволока, суровые охранники и собаки! Ладно еще, овчарки немецкие были бы – с ними можно найти общий язык. Но ведь по двору бегали без привязи московские сторожевые, у которых при виде любого живого организма срабатывал единственный рефлекс: разорвать на части. Поэтому о соседе удавалось узнавать в основном из разговоров «двуногих».

Последнее его приобретение, его любимый «артефакт» – павлин, привезенный из Ирана, сразу приковал внимание всех соседей. Красивая птица гордо расхаживала по лужайке перед домом бизнесмена и кричала дурным голосом, как резаный кот.

Дома располагались по одну сторону дороги. Напротив было поле, плавно уходившее вниз, к речке. Дорога шла немного в гору, и с поворота открывался вид на центр деревушки с церковью, поля и изгибы речки. Машина натужно пыхтела, взбираясь наверх. Прапор, казалось, пытался проскрести пол насквозь и провалиться куда-нибудь ниже, где тихо, не трясет и не воняет бензином. Ричи, увидев, что товарищу совсем плохо, вспрыгнул на сиденье рядом с водительским и недвусмысленно мяукнул. Лыжин, конечно же, не понял. Ричи повторил звук и мотнул головой назад.

– Прапор, тебе там совсем поплохело? Бедолажка. Эх, сейчас. – Проехав поворот, капитан притормозил у обочины и открыл двери. Прапор вылез из машины и уселся в траву, всем своим видом показывая, что дальше ехать никуда не хочет. И вообще шевелиться – тоже.

Ричи вздохнул и огляделся.

– О, смотри, котик, вон художник стоит! – Лыжин указал на человека с мольбертом, спрятавшегося в тени под разлапистым дубом. – Пошли посмотрим? День добрый, – издалека помахал он и задал гениальный вопрос: – Рисуем?

– Пишем, – буркнул художник.

В летнюю жару он был обмотан шарфом, на макушке торчали очки в толстой оправе, которые он изредка опускал на нос и глядел сквозь них на просторы. Ричи подошел поближе и вежливо потерся об обильно заляпанную красками штанину. Пахло от «двуногого» едко, но приятно.

Художник быстро и довольно смело водил широкими мазками по однослойному тоновому подмалевку. На удивление, это у него выходило довольно ловко, с каждым ловким движением руки на холсте обретала форму милейшая русская пастораль. Вдоль вьющегося ручейка раскинулись просторы сочно-зеленого пастбища, кулисами выступали березовая роща и холм, на котором приютилась игрушечного масштаба деревня. Вдалеке парнишка в трусах и красной майке пас скот. Утренним горизонтом поднималась легкая знойная дымка. Березки, белые коровы и обрывистые очертания тучек были выписаны светло-сиреневым и светло-желтым – отличительная черта профессионального обучения художника, как подметил Ричи. Но одна деталь удивила кота: в композиционном центре, там, где в натуре располагалась небольшая проплешина в траве, на холсте художник оставил пустое место, судя по всему, именно там, на первом плане должен был располагаться основной объект.

«Какой чудак, – подумал кот, – пишет работу с конца. Может, он еще не придумал, что разместить в центре?»

Он проследовал к месту, которое художник оставил на холсте пустым, и, усевшись на кротовьей куче, принялся вылизывать себя. Кто как не котектив заслужил быть в центре внимания? Тот заметил тщеславную выходку Ричарда и, бросив на него беглый зоркий взгляд, снисходительно улыбнулся.

– Котика не нарисуете? – шумно прокашлявшись, спросил Лыжин.

– Давайте я сам решу, что мне рисовать, хорошо? – мрачно посмотрел на полицейского художник.

– Хорошо-хорошо, – смутился Лыжин. – А это ведь вы тот самый Андриенко? Помню, жаловались как-то соседи по даче на какого-то художника, что шумел сильно, – мстительно вспомнил он.

– Ну, я Андриенко. Не знаю, о чем это вы, – ответил тот, поправляя очки. – У меня был перфоманс, и я его закончил до одиннадцати вечера. Давайте вы будете своей участковой работой заниматься, а я – своей.

– Ладно, не будем мешать. – Лыжин растерянно потер свой курносый нос с парочкой веснушек, повернулся и побрел обратно к машине. Нужно было загрузить Прапора и ехать дальше, благо оставалось буквально двести метров.

Перед воротами усадьбы Азарова капитан затормозил и долго сигналил. Наконец автоматические ворота открылись и впустили гостей. Проехав немного по дорожке, он остановил своего динозавра немецкого автопрома и открыл двери. Ричи радостно выскочил наружу, за ним, пыхтя, вылез Прапор.

– Вы, котики, пока погуляйте тут, а я пойду важными делами заниматься, – наставническим тоном проговорил капитан. Прапор утвердительно мяукнул, а Ричи проигнорировал этот дешевый выпад и решил осмотреться.

Участок Азарова впечатлял с первых же секунд. Монументальный забор скрывал от прохожих не только уклад жизни магната, но и его своеобразные представления о мире. Пестрое поместье одновременно поражало несуразностью и пробуждало желание рассмотреть все элементы несовместимого архитектурного ансамбля.

Высокий цоколь в классических пропорциях, округлая парадная лестница позднего барокко, скульптуры, изображающие вавилонских крылатых львов обрамляли вход, подчеркнутый греческим портиком в коринфском стиле. На фронтоне красовалась Афина с масонской пятизвездочной рогатой совой в окружении богатырей и ветеранов Второй мировой, увешанных медалями, как новогодняя елка. Этажи были украшены полосами с орнаментами эпохи Возрождения и средневековой Персии. Над парадной лестницей красовалось большое округлое световое окно в стиле модерн.

О русском модерне напоминали резные деревянные наличники и ставни окон. Всю эту несуразную роскошь венчали готическая остроконечная черепичная крыша и маленькие, поздней готики, французские башенки. Во дворе росли персиковые и миндальные деревья. Слева тек искусственный ручеек и располагались сад камней, японская пагода и пруд, в котором резвились жирные золотые карпы, а справа находилась часовенка.

Прапор присвистнул, в восторге созерцая все это благолепие. Его мысли приняли отчетливо гастрономический оборот. Толстяк облизнулся, время от времени кривясь от колик в животе.

– А представляешь, чем кормят у Азарова на кухне? – мечтательно закатил он глаза. – Обрезки осетрины, гусиная печень с грибами, лосось тартар с лимоном.

– Прапор, дружище, у тебя гастрит, твое обжорство до добра не доведет. Тебе нужно кушать овсяночку, жевать травку, – улыбаясь, заметил Ричи. – Думай о деле, а не об осетрине, об осетрине позабочусь я.

– Он еще и издевается над толстым кот… Уй, прихватило! – скорчился Прапор.

Ричи укоризненно поглядел на него.

– Нет-нет, все нормально. Позову я еще тебя когда-нибудь, ай!.. – угрожающе пробормотал обжора.

Дверь в особняк открыл человек в дорогом костюме и белых перчатках. В поджарый птичий вид его вносили некоторую сумятицу старомодно подкрученные усы.

«Прислуга напоказ, – подумал Ричи. – Перчатки и костюм этот человек надевает крайне редко, брюки чуть велики, пиджак мал, манжеты, вместо запонок, застегнуты на булавку». Ну а самым вопиющим фрагментом костюма шикарного дворецкого был ненастоящий галстук-бабочка – простой бантик, пришитый на резиночку.

Интерьер дома выглядел более пристойно и сдержанно, чем можно было ожидать, исходя из внешнего убранства здания. Дубовые лестницы поднимались, огибая стены прихожей, на второй этаж, пол был выложен мозаикой из битого мрамора и морской гальки. Хаотично выложенная по краям мозаика превращалась в орнамент с античным павлином в центре. За округ-

лым дверным проемом находился просторный зал. Там стоял гарнитур в стиле ампир с золоченными фигурными ножками в виде крылатых сфинксов и львиных лап.

Вдобавок вся комната была уставлена стеллажами, сплошь забитыми разнообразными бронзовыми, костяными, деревянными и керамическими статуэтками, посудой, медалями и монетами в прозрачных боксах. Предметы со всех уголков планеты, разных времен, стиля и подлинности. Рядом с японскими нэцке ютились фарфоровые статуэтки из Майсена, иранские поилки, тюркская керамика, полинезийская деревянная мелкая пластика, индийская бронзовая посуда, модерные пресс-папье, современные китайские поделки и еще черт разбери что. Объединяло эту коллекцию только одно: везде были изображены птицы. Аисты и гуси, орлы и петухи, попугаи и страусы – везде только птицы. По скромным прикидкам Ричи, только одной полочки хватило бы любому «двуногому» для безбедной старости.

Азаров сидел в самом углу большого зала на стареньком венском стуле за кокетливым круглым модерным столиком и попивал кофе из потерной кружки с нарисованным петухом и надписью «Удачи в новом, 2005 году».

– Здрасьте, Даниил Эдуардович, – неловко откозырял Лыжин.

– Явились наконец, – проворчал тот. – Вас только за смертью посылать. А время идет! Где мой павлин?!

– Будем искать, – виновато потупился капитан. – Я же к вам, собственно, по делу…

– Ну? – Азаров со стуком поставил кофейную кружку на стол.

– Мне нужно, чтобы вы рассказали о павлине все, что знаете. И ваши подозрения, если они есть.

– Я вам еще в прошлый раз рассказал, что у меня украли моего павлина Минкульта! Этого мало?! У нас тут в каждом доме по павлину?! У меня связи в МВД, не найдете его – вас тут через сутки не станет! Совсем обнаглели, раскормили морды от безделья! – Азаров снова грохнул кружкой по столешнице. При этом он почему-то смотрел на Прапора.

– Все же давайте к делу… – с тихим упорством попытался перевести тему Лыжин. – Какой именно был ваш павлин?

– Павлин… Павлин – чудо природы! – Мечтательная улыбка озарила круглое лицо бизнесмена. – Я купил своего Минкульта в Иране год назад. Там в Тегеране есть огромный рынок, животными на нем тоже торгуют. Я хотел себе канареек купить, чтобы веселее в отеле жилось. Но тут увидел его… Тогда он еще совсем маленьким был – года три, по павлиньим меркам, считай, подросток. Они до двадцати лет живут. Но краси-и-ивый, не передать! Только взрослые перья отрастил. Так вот, павлин обыкновенный, Pavo cristatus, возраст – приблизительно четыре года, цвет – синий. Хвост шикарный, огромный. Высота вместе с хвостом – ну где-то так, – показал он рукой отметку выше стола. – Что еще… Орет только противно, гад. Потому он и Минкульт – красивый, перья распустил, типа, аристократ, вышагивает по двору. А как жрать захочет – вопит, как последняя чайка. И гадит так же.

– Так и запишем, – усмехнувшись, черкнул что-то в своем блокноте Лыжин. – А как он пропал?

– Как-как, – снова заворчал Азаров. – Был – и нету. Вечером был, утром не стало. Клетка открыта. Никто ночью не ходил туда. Управляющий мой спал, скотина, беспробудно. По крайней мере, он так говорит, – хмуро добавил бизнесмен.

– А кто мог украсть павлина? Вы не подозреваете никого?

– Да кто угодно! Красивая птица, ее можно продать за бешеные деньги. Видимо, какие-нибудь оборванцы выкрали, понадеялись на легкую добычу. Кому нужен павлин? Всем нужен! Кого подозреваю? Всех! И вас тоже! – Азаров потряс пальцем в направлении Лыжина. – Кстати, что это еще за кошки тут бродят?

Ричи, до этого тихо сидевший в дверном проеме, решил стремительно ретироваться. Судя по всему, «двуногие» договорили, и больше ничего интересного услышать не удастся. Значит, пора самому разнюхивать, что к чему.

Глава пятая, в которой был возвращен Минкульт

Ричи отправился на поиски улик. Поместье манило незнакомыми запахами. Первым делом нужно было осмотреть место преступления, и он подался во двор, где располагался мини-зоопарк Азарова. По правде сказать, он больше напоминал ухоженный скотный двор. Овечки и козы в просторных загончиках, индюки, индоутки, декоративные утки, гуси, просторный вольер с фазанами и глухарями, рядом конюшни с орловскими рысаками. Над домом прислуги – голубятня. В дальнем конце двора за садом – соколятня.

Ричи внимательно осмотрел вольер, где еще недавно находился павлин. Дверца закрывалась на простую щеколду, значит, похитителем мог быть кто угодно, имеющий доступ к вольеру. Свежая соломенная подстилка – скорее всего, вчерашняя: никто не будет менять подстилку в пустом вольере. Перья, птичий помет и, что самое важное, следы борьбы отсутствовали. Это уточняло время похищения. Павлина выкрали этой ночью. Дело в том, что павлины, как и куры, ночью абсолютно слепые и спят довольно крепко. Выкрасть такую птичку без лишнего шума не составило бы особого труда.

Потом он пошел посмотреть на хищных птиц. Сначала задумался (чисто теоретически, разумеется) о том, чем отличаются на вкус соколы от, скажем, дворовых голубей, но острые когтищи пернатых, пристальное внимание их зорких глаз и огромные выгнутые клювы улетучили гастрономические фантазии котектива в момент. Ричи сглотнул, понимая, что, если бы не клетки, добычей мог стать он. Такая птичка вполне могла позавтракать павлином, но вряд ли это бы осталось незамеченным. Тем более среди пернатых не было сов, а ночное время похищения наиболее вероятно. Оно вообще было бы стопроцентным, если бы не одно «но»: обслуга поместья могла участвовать в похищении и замести следы.

Судя по разговору с Лыжиным, Азаров был требовательным и несколько высокомерным: сочетание, которое редко нравится обслуживающему персоналу. Ричи отправился в домик прислуги, ловко заскочив на подоконник, уселся и стал осматривать комнату, где ночуют садовник и смотритель (это было видно по сменной одежде, висевшей у двери на вешалке).

– Так-так-так, – муркнул он в предчувствии разгадки. Сквозь развевающиеся ветром шторы открывалась картина вчерашнего пиршества: под столом расположилась батарея из бутылок молдавского вина и крымского портвейна, на столе в недопитой бутылке красовалась веточка цветущей сирени и ветвь финиковой пальмы – Ричи видел такую в доме Азарова, три грязных стакана, два из них с недопитым вином. Несколько пустых тарелок, в одной из них красовался сложенный из бумаги петушок. Кровати две, стакана три, стула три. Выбор вин не вполне соответствовал вкусам тружеников сервиса.

Очень неуместно и подозрительно выглядел арт-объект – составленный кем-то от скуки букет в стакане с недопитом вином. Ричи охватили смутные подозрения. Котектив представил себе, как двое из этой троицы улеглись спать, оставив скучающего собутыльника – любителя прекрасного. Этот третий и был похитителем. Дело за малым – узнать, кто он. Последующий осмотр комнаты не дал никаких новых улик.

Наш котектив решил еще раз осмотреть поместье Азарова. Слишком много деталей могло ускользнуть при первом, беглом осмотре. Войдя в дом, он сразу взбежал на второй этаж, обставленный с не меньшей роскошью. Немало было западноевропейских охотничьих натюрмортов, в большинстве своем – копийных или неудачно отреставрированных. Несколько полотен показались Ричи вполне оригинальными.

В бытность свою молодым котом, он жил со своим «двуногим» в Петербурге, часто прикармливаясь у добрых столовщиц Российской государственной библиотеки. Там и познако-

мился с котом – смотрителем хранилища Эрмитажа Каракаллой. Страшное имя римского солдатского императора тот получил от музейщиков за внушительные размеры, горделивое поведение, рыжесть и мордатость. На самом деле толстая наглая морда скрывала характер тонкого и кроткого эстета. Ричи любил коротать промозглые тоскливые питерские вечера в разговорах и прогулках по хранилищу с Каракаллой. От него он и получил некоторые дилетантские познания об искусстве.

В рабочем кабинете Азарова Ричи обнаружил нечто, что заставило его взвизгнуть от удивления и досады. В просторной светлой комнате на столе красовалась японская статуэтка нэцке с сюжетом «Ронин, ворующий курицу», и большая, явно поддельная, судя по искусственно напыленной патине, бронзовая китайская чаша Цунь, изображающая павлина – жар-птицу. Рядом лежала картина без рамы, изображающая купающихся в пруду у пагоды гусей, картина современная, настолько современная, что пахла свежей краской. Написана она была здесь, во дворе Азарова, смелой рукой профессионального академического живописца, в правом нижнем углу красовалась подпись – «Андриенко».

Разбитая мисочка сложилась? Ричи необходимо было растолковать это все «двуногому», а заодно обследовать дом художника. Он задумался. Лыжин сидел внизу и не видел этой картины. Подавать звуковые сигналы не получалось – капитан никогда не обращал на это особого внимания. Прапор тоже не был готов ему помочь: толстяк развалился где-то во дворе и в теньке наблюдал за бабочками.

«Эстет нашелся, – недовольно подумал Ричи. – Значит, придется действовать как можно топорнее, чтобы этот человек уж точно все наконец понял».

Котектив прикинул диспозицию. Азаров за столом на нижнем этаже, Лыжин на стульчике перед ним, как провинившийся школьник. Шума нужно много…

Ричи вздохнул и, разбежавшись, запрыгнул на столик, сбросил с него пару книг и картину, задев ее своим туловищем, а затем с громкими возгласами убежал за дверь. Уж такое эти человеки должны были заметить.

И точно – Азаров разразился руганью по поводу «этих чертовых животин», а Лыжин кинулся наверх. Вслед за ним поспешил и хозяин.

«За птичками погнался», – усмехнулся про себя капитан, но тут тень сомнения скользнула по его лицу, и он спросил вслух:

– А откуда у вас эта картина?

– Да есть тут один художник, сосед, дача у него справа, – проворчал Азаров. – Рисует вроде неплохо, вот купил у него пару вещей.

– А не Андриенко его зовут, часом? – Лыжин определенно начал что-то подозревать, как радостно отметил Ричи.

– Угу, – подтвердил Азаров. – Он тоже птичек любит. У него дома такой ара живет!.. Огромный, яркий, просто образцовый.

– Так-так… А часто он заходит к вам?

– Да постоянно. Придет с кучей эскизов и давай показывать. Ну, понятно, что ему постоянно на новые очки денег не хватает, или еще на что. Но работы иногда хорошие приносит.

Ричи был счастлив. «Двуногие» в конце концов дошли до нужных выводов! А Лыжин тем временем засобирался уходить.

– Надо еще сходить проверить кое-что, – неопределенно сообщил он бизнесмену. – Так, котики, вы где? – Когда Ричи позвал Прапора, и они двинулись к машине, капитан посетовал: – Жалко вас запирать. Вы же будете хорошими котиками? Посидите тут тихо на улице?

Прапор мяукнул что-то, что Лыжин принял за согласие и сразу направился к соседям. Ричи немного подождал и побежал следом.

Дом художника был небольшой старой дачкой, к которой рукой некоего творца были приделаны странные и неожиданные детали. Над входом красовалась резная фигурка павлина,

флюгер на крыше представлял собой традиционного «петушка», а деревянные резные перила на крыльце были украшены изображениями перьев. Из стоящего у крыльца продырявленного чайника росла маленькая елочка, а рядом примостился облезлый мопед. Ричи хмыкнул и просочился в дверь.

Внутри интерьеры бабушкиной дачи были точно так же загадочно разбавлены самыми неожиданными деталями. Кроме того, комната служила еще и мастерской, поэтому кругом лежали кучки самых разных предметов – от полузасохших овощей до вазочек странной формы, черепов и скелетов в натуральную величину, разбросанные карандаши, ножи, тряпки, измазанные краской, кисти, пустые бутылки (Ричи усмотрел тот же крымский портвейн) и птичьи перья в невероятных количествах.

Андриенко стоял у окна перед мольбертом, одетый в узкие темно-красные джинсы и «олимпийку», а в зубах его дрожала трубка. Пуская дым почти в лицо Лыжину, он возмущался:

– Вы меня не понимаете и не поймете. Я художник. Я знаю, что мне нужно на моей картине. Мне не хватает ровно одной детали, и для искусства я сделаю все, что в моих силах.

– Но это называется кража, – с мрачным упорством уговаривал Лыжин, вглядываясь в картину, которую уже видел сегодня. Но сейчас на месте пустого пятна были намечены очертания павлина, расхаживавшего по двору за окошком.

– Называйте как хотите, – выпустил очередной клуб дыма Андриенко, – но мне нужно завершить работу. Вы не понимаете. Когда есть вдохновение, нельзя не доделать и бросить на середине. Это все равно что очень хотеть пить и выпить только глоточек…

– Ваш сосед переживает! – попытался Лыжин воззвать к его совести.

– Да что случится с птичкой? Допишу – отдам, – парировал художник.

– Это кража, – повторил капитан.

– Пока не допишу, ничего никому не должен отдавать. Все для искусства.

– Почему вы тогда просто не одолжили павлина?

– Он бы мне не дал, – тяжело вздохнул Андриенко. – А мне надо было, я и взял. Павлин – символ богатства и процветания. На моей картине просто должен быть павлин, я так увидел. Он будет символом богатства и процветания нашей родины. Ее расцвета. Такого же яркого, как его перья, и такого же неожиданного среди всех этих пасторальных березок. Никто же не ждет ни расцвета, ни павлина. А он есть. И будет. Короче, я никому ничего не отдам, пока не закончу.

– Вы должны отдать, иначе я вас арестую, – почесав затылок, твердо произнес Лыжин.

– Художника будут судить за идею! – воскликнул Андриенко. – Вернулись времена инквизиции! Что ж! Ломайте руки, волоките в ваши застенки! Я готов! Горите костры! Я погибну, но мое искусство не умрет!

Ричи начала утомлять эта бессмысленная борьба. Он сделал несколько кругов по комнате, стараясь ничего не задеть, и вылез в окно. Павлин, как ни в чем не бывало, ходил по двору. Кажется, он вообще не замечал разницы между своим вольером и художническим двориком.

– Ну, сколько вам нужно времени на то, чтобы доделать вашу работу? – уже умоляющим тоном расспрашивал Лыжин. Ричи даже стало жалко капитана.

– Не знаю, – грустно пожал плечами художник. – Может, вечер, а может, две недели.

– А чем вы его кормить будете?!

Андриенко задумался. Его слезы моментально высохли.

– Пока он у меня полбатона склевал.

– Что ж так птицу мучаете! А если ему надо витаминов каких-нибудь? Вы не подумали? Мертвый павлин на картине уж точно не будет означать благополучие! – Видимо, Лыжина внезапно посетило вдохновение, и он начал вдохновенно вещать о том, о чем не имел ни малейшего понятия. – Павлины же нежные птицы, у них не наш режим. Им тепло нужно, своя клетка, еда особенная. А вы его во дворе батоном кормите!

Художник снова задумался, потом согласно кивнул:

– И вправду. За павлином, как за расцветом нашей родины, надо тщательно следить! Ведь это такие хрупкие и нежные материи! Это же не дворовые куры… Это красота! Это нежность! Изящество! Символ! Тонкие материи! Ладно, так и быть. Только во имя красоты. Я закончу как можно быстрее и верну его в среду, где он будет в сохранности.

– Хозяину? – уточнил Лыжин.

– Хозяину, – вздохнул Андриенко.

– Сегодня?

Художник не ответил, отпил из одной из стоящих на подоконнике бутылок несколько немаленьких глотков, выглянул в окно и взял в руки палитру…

Уже через полчаса все сидели в шикарной гостиной Азарова. Тот на радостях велел даже налить художнику чаю с огромной прибавкой рома. Расположились в удобных креслах, которые составили полукругом специально, чтобы дать возможность капитану Лыжину рассказать все подробности задержания преступника. Это был его звездный час. Он расхаживал по гостиной, заложив за спину свои длинные руки, и, невероятно гордый собой, говорил:

– …Проезжая мимо художника, я сразу почувствовал, что с этим человеком что-то не так. Но что? Когда я спрашивал его сегодня утром, как его дела, он отвечал как-то нервно и скомканно. Поэтому, закончив опрос свидетелей в доме, я сразу поехал к озеру. Мы разговаривали, казалось бы, ни о чем, но я внимательно осматривал окрестности и наблюдал за Андриенко. Наш знаменитый художник все продумал, кроме одного! Он все время бросал взгляд в сторону перелеска. И я подумал, что это может значить. Под видом поиска вот этого кота, – все взгляды впились в Ричарда, скромно чистящего когти на подушечке возле камина, – я, не вызывая подозрения, приблизился к перелеску и обнаружил схрон с птицей. С Андриенко у нас завязалась борьба, но, как видите, мне удалось выйти из нее победителем. Петр Сергеевич, теперь слово за вами – что с ним делать? Сразу в изолятор или?..

– А мы дадим ему слово, – разрешил Азаров. – Мне интересно, что толкнуло немолодого уже и довольно обеспеченного человека на преступление?

– Да я!.. – вскинулся Андриенко. – Да я из любви к искусству! Я давно уже размышлял о том, как сделать натурализм ближе к народу. Многие думают, что это направление изжило себя с приходом фотоаппаратов, что оно скучное. И мне захотелось сделать эпатажную картину. «Красота без границ», где на фоне нашего невероятно красивого озера раскрывал бы свой хвост прекрасный павлин. Это была бы бомба! Ведь все знают, что я пишу лишь то, что вижу. Я не знал, как даже приблизиться к вам, как попросить на время вашего Минкульта, ведь птица прекрасна, и вряд ли вы бы мне ее дали… И я… улучил момент. Павлин был рядом с воротами. Я схватил его и побежал! Я ничего не планировал этого, все само собой получилось!

Лыжин довольно потирал руки, а Азаров благодушно улыбался.

– А нельзя ли взглянуть на картину? – обратился бизнесмен к своим служащим. Один из них буквально растворился в воздухе и, спустя мгновение, снова материализовался с картиной в руках.

Сосисочные облака оставались на месте, озеро все так же блестело на солнце, листва на деревьях, казалось, трепетала на ветру. Ричи задумчиво смотрел на полотно, и с удивлением ловил себя на мысли, что картина ему нравится. Азаров тоже с интересом разглядывал пейзаж.

– А вот здесь должен был стоять Минкульт… – задумчиво протянул он.

– Ну да! Представляете, как гармонировало бы его оперение с окружающим пейзажем! – подхватил Андриенко. – Удержаться было невозможно!

– Капитан Лыжин?

– Я!

– Я принял решение. Выражаю вам огромную благодарность за помощь в поиске павлина, даже вознаграждение вам выплачу. Лично! Хотя могу и через кассу…

Лыжин медленно и скорбно покачал головой, мол, зачем бухгалтерию беспокоить.

– Но заявление свое заберу, – продолжил Азаров. – У меня появилась идея. Уважаемый! – обратился он к художнику. – А как вы посмотрели бы на совместный проект? У меня скопилась масса интереснейших артефактов. Почему бы вам не написать серию картин в наших окрестностях, но с использованием моих находок? В конце концов, почему бы не вложиться в развитие отечественного художественного искусства? Я думаю, нам следует прямо сейчас обсудить детали. Всего доброго, вознаграждение вам выдадут на выходе. И котов не забудьте, заберите.

Ричард гордо спрыгнул с подушечки и, задрав хвост, пошел к дверям, всем своим видом демонстрируя свое превосходство над невоспитанным хозяином дома. Прапор поспешил следом…

«Скромность кота Ричарда не знает предела. Он никогда не спешит рассказывать новым знакомым о том, что является широко известным в узких кругах котективом. Но такова судьба всех великих сыщиков – стоит им где-нибудь появиться, как тут же случается преступление… – размышлял чрезвычайно довольный собой Ричи неделю спустя. – В конце концов, «двуножье» или кошачье преступление – какая, по сути, разница? Мася снова смотрит с восхищением, ее язычок щекочет ухо, а вибриссы нежно подрагивают… Я готов к новым расследованиям…»

Глава шестая, которая начинается и заканчивается слезами

Ричи выглянул в окно – там лакомились сушеными бычками «казанская сиротка» Булочка, которая недавно поселилась в соседнем доме, и его любимая Масюня.

– Хм, в Казани моря нет, у нас тут тоже… Странно, где это они сушеных бычков откопали? Не в камышовом же котловане за лесом… – Ричи облизнулся.

– Дорогой! – повернулась к нему Мася, почувствовав его взгляд. – Иди к нам! Посмотри, какие замечательные котяточки растут у Булочки! Просто ангелочки!

Тут только Ричи заметил три крохотных хвоста, которые нервно дергались в боевом экстазе у заброшенной собачьей конуры – там уже давно никто не жил, но запах, видимо, сводил котят с ума.

В это время «ангелочки» выловили наконец то, за чем охотились уже минут десять – ящерицу. Шесть лап и три пасти с острыми, как иголки, зубками цепко держали длинное тельце хвостатой дичи. И как они еще умудрялись утробно орать при этом, уму непостижимо!

– Понимаешь, – продолжала тем временем Мася, – наши замечательные соседи – Булочка со своими ангелочками – только недавно переехали… Дети растут – надо придумать, как помочь…

– Да-да, конечно! Что-нибудь придумаем… – ответил Ричи и вдруг спросил: – Где бычков брали?

– В «Море»… – залепетала смущенно Булочка, скромненько опустив мордочку вниз. Потом искоса так, словно нечаянно, выстрелила взглядом искристо-зеленых глаз: – Так у нас рыбный магазин называется! Повар дал. Дядя Сережа. Хороший «двуногий», порядочный. Не то что некоторые, псы.

– Ладно, ладно… – перебила ее Мася. – Мы пошли гулять, а ты занимайся своими мужскими делами. Кстати, можешь попробовать – вкусно!

Бросок сушеным бычком был снайперским – «дар моря» въехал Ричи прямо по носу. Слишком уж излишне засмотрелся он на красавицу Булочку.

– Понял, понял… Гуляйте, кисоньки… – Ричи потрогал нос – больно, однако!

Кисоньки поднялись и, прихватив трех хвостатых «ангелочков», скрылись в траве.

«Мужскими делами» – легко сказать! Лыжин ничего не понимает в сыскном деле, нет у него нюха – ни человечье-«двуногого», ни тем более котиного… А туда же – сыскарь доморощенный! Пока носом не ткнешь, как слепого котенка в молоко, ничего не увидит…

Мысли Ричи были прерваны странными звуками из кабинета «двуногого» гения:

– Хрр-хлюп, хрр-хлюп…

Страшная догадка мелькнула у него в голове, и он понесся по ступенькам в мансарду, где находился кабинет писателя.

«Двуногий» сидел за столом и плакал:

– Не выходит, не выходит…

– Мррр! – Ричи пружинисто запрыгнул на стол, уселся рядом с тоскливо-пустым монитором ноутбука и проникновенно заурчал:

– М-м-м-м-р-р…

Если бы бестолковый гений хоть что-то понимал в котософии, он бы расшифровал запросто спич своего усатого учителя: «Друг! Понимаешь, выход там, где вход. Я это знаю точно – сто раз ходил…»

Гений убрал руки от лица, и Ричи понял – дело совсем швах. «Двуногий» выглядел неважно: взгляд как у побитой собаки, на щеках – вода, как у слепого котенка… Какая тут

может быть «философия»! «Двуногая» ушла в бизнес, а «нетленка» не вытацовывается… Муза, называется!

– Ничего не получается, темы нет, слова испортились, фразы – как из объявления на столбе о продаже ржавой «копейки»… А тут еще и любимая моя уехала: корма, видите ли, китайцы какие-то новые изобрели. Конфуция им мало было – бизнесом занялись! Понимаешь, Ричи, Китай – это очень далеко! Новые веники вырастут, пока она вернется… А вдруг ей там понравится?

Ричи возмущенно фыркнул, с сожалением глядя на залитое слезами лицо писателя, и вдруг вспомнил, что бычка, запущенного Масей ему по носу, он не успел ни съесть, ни выбросить.

– Мя-а-а-а-а! – и выпустил из зубов рыбку с обломанным хвостом.

Сразу запахло песком, солнцем и соленым ветром.

– Спасибо, котяра! Ты настоящий друг… – оценил его действия гений и от жалости к самому себе снова всхлипнул, поглаживая роскошную, выхоленную не какими-то там китайскими кормами шкурку. А потом задумался. – Эх, Ричи! Бычки, раки, пиво – это пошло, для создания книги всей моей жизни мало… Ладно, попробуем рывочек. – Он тяжело поднялся. – Ты мой настоящий Муз, пока Муза моя с китайскими кошками разбирается… – Затем махнул рукой, бросил грустный взгляд на матовочистый монитор и поковылял к бару. – Вино. Вкус солнечной жизни, света и рубиновой крови… Может, оно натолкнет меня на мысль.

– Вот и славно, вот и попишем… – Ричи с хрустом потянулся и прикрыл глаза. – Впервой, что ли?

Но тут…

…снизу раздался сумасшедшей силы и боли кошачий визг! Ричи мгновенно сиганул в окно. Подумаешь, пять метров от мансарды до мягкой клумбы. А если речь о жизни и смерти Маси? Страшно подумать! «Нетленка» – потом, подождет.

Но с Масей все было в порядке: к хозяевам дома быстрой рысцой бежала взъерошенная и напуганная Франсуаза.

– Боже! Франни! Что с тобой?! – Они с Ричи усадили кошку на мягкую подушку, лежащую на траве, перед плошкой чистейшей родниковой воды.

Подруга кинулась на шею Масе.

– Сегодня днем, когда я пришла… – начала она, сдерживаясь, чтобы не заплакать. – Григорий… мой «двуногий»… доктор… на полу… не дышит!

– Что, что случилось? – разволновалась Мася. – Он жив?

– Я пришла домой из клиники днем, он лежал на полу, – немного успокоившись и налакавшись воды, начала рассказывать Франсуаза. – Глаза открыты, лицо перекошено… Вначале подумала, что все..

– Жив? – переспросил Ричи.

– Да! Слава Деве-кошке! Его на «Скорой» увезли, «двуногая» вызвала!

– Что это? Эпилепсия? – ужаснулась Мася.

– Нет, «двуногого»… от-от-равили… – Кошка даже начала слегка заикаться. – Лина, его новая жена, хотела всем дать просто выходной… но потом пришли какие-то Двокаты… руг… руг… ругались долгоооо…

Ричи резко развернул кошку к себе:

– О чем они ругались, Франсуаза, вспомни точно?

– Я… я… я не пооооомнююююю… грооомкоооо… – Она опустила голову. На траву капнула слезинка. – Сказали, что клиника закрывается, потому что это наследство и мотив, а Лина на него прав не имеет, потому что под следствием, и вообще ее арестуют со дня на день, как главную подозреваемую. Мол, из-за этой клиники она его сама и от… от… отравилаааааааа… Но она же не могла! Понимаете? Не могла! Она его любила…

Мася кинулась успокаивать подругу, сердито буркнув Ричи:

– Довел кошечку, психолог, блин…

– Я довел? – Ричи недоуменно посмотрел на Масю. Правильно говорил кот Сенеки: «Кот, понявший самку, начнет говорить с мышами».

Немного успокоившись, Франсуаза посмотрела на него и мяукнула:

– Дело будет расследовать этот тощий «двуногий», как его там… ну, который постоянно приносит к нам своего жирнягу…

– Лыжин? – хором спросили Мася и Ричи.

– Да. Он с утра уже мурыжит мою «двуногую», Лину. Полнейшее животное. Ни такта, ни ума, ни фантазии. – Она помолчала и после долгой паузы добавила: – Думаю, тебе стоит вникнуть в это…

Ричи, котектив с многолетним стажем, сразу предположил, что в стороне от расследования этого дела он не останется.

– Лыжин расследует покушение на Вощинского, да это просто крысам на смех! Я вообще не понимаю, как он находит в магазине корм для Прапора, что тут про убийство говорить! В общем, нужно им помочь.

– Как всегда, – улыбнулась Мася, – мой котектив не сидит сложа лапы!

Ричи смутился. Можете быть, в самом деле со стороны он выглядел как белка в колесе – пафосно и хвастливо. Ему часто делали подобные замечания.

– Я не в этом смысле, – промямлил он. – Я вовсе не хотел показаться…

– Ты показался именно тем, кто ты есть, – приложила лапку к его губам Мася. – Самым лучшим в мире котективом, который поможет любому, кто попал в беду, даже если это «двуногий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.